

ГОДЪ

XXII-Й.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкою **ШЕСТЬ РУБ.** Подписка принимается при Духовной семинаріи.

Объявленія принимаются только позади текста. Цѣна за строку петита по 10 коп. За разсылку при Епарх. Вѣдом. отпеч. объявл. взимается 3 р

№ 15.

1-го августа
1915 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Причтамъ церковей епархіи. Свободныя мѣста. Отъ Совѣта Забайкальскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Причтамъ церковей епархіи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благовѣщенская Духовная Консисторія СЛУШАЛИ: поступившее на ея имя отношеніе Благовѣщенской Городской Управы, отъ 3 іюля 1915 года за № 10353, слѣдующаго содержанія:

„На основаніи 126 ст. Устава о воинской повинности“ метрическія выписи на подлежащихъ призыву составляются отдѣльно по каждому городу и по каждой волости, посылаются въ учрежденія, которыми составляются призывные списки, по принадлежности.

Далѣе, въ циркулярѣ М. В. Д. отъ 8 февраля 1874 года за № 3 говорится:

„Составляющія метрическія выписи лица и учрежденія обязаны высылать ихъ: а) рожденныхъ отъ лицъ, внесенныхъ

въ ревизскія сказки или приписанныхъ къ обществамъ послѣ ревизіи, городского сословія—въ городскія Управы тѣхъ городовъ, къ которымъ ихъ родители принадлежали; сельскаго сословія—въ волостныя правленія, завѣдывающія тѣми сельскими обществами, къ которымъ родители ихъ были приписаны; б) о рожденныхъ отъ лицъ, изъятыхъ отъ внесенія въ десятую народную перепись или вышедшихъ послѣ ревизіи изъ податного сословія, —въ уѣздное, окружное или городское воинское присутствіе, по мѣсту нахождения въ то время ихъ родителей, и въ областяхъ Уральской, Кубанской и Терской—въ подлежащія полицейскія учрежденія“.

Раньше практиковался причтами, составляющими метрическія выписи на подлежащихъ призыву, такой способъ: всѣ метрическія выписи поступали исключительно въ Городскую Управу. Такъ какъ онѣ, въ большинствѣ случаевъ, были въ спискахъ, то приходилось снимать съ нихъ копии и затѣмъ уже разсылать по мѣсту назначенія. Это, конечно, задерживало составленіе призывнаго списка.

Между тѣмъ, разсылка метрикъ, что видно изъ приведеннаго циркуляра, составляетъ прямую обязанность церковныхъ причтовъ.

Городская Управа проситъ разослать увѣдомленіе всѣмъ причтамъ Благовѣщенской епархіи, чтобы они впредь рассылали метрики согласно приведенной статьи закона и циркуляра. Иначе Городская Управа будетъ возвращать метрическія выписи въ Духовную Консисторію для завѣрки и разсылки по принадлежности“. **ПРИКАЗАЛИ:** О вышеизложенномъ дать знать настоятелямъ церквей епархіи къ неуклонному исполненію, чрезъ пропечатаніе въ Благовѣщенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Свободныя мѣста.

Священническія: при Свято-Ольгинской церкви г. Алексѣевска и при ц. ст. Ушумунъ.

Псаломщическія: при Свято-Ольгинской церкви г. Алексѣевска, при градо-Хабаровской Алексѣевской церкви, при первомъ и второмъ причтахъ Манчжурской миссіи, при церквахъ: ст. Черняевой, хут. Никольскаго, переселенч. близъ г. Зеи и с. с. Сохатино и Кузмичи Амурской области и Гоголевки Приморской области.

Отъ Совѣта Забайкальскаго Епархіального женскаго училища.

Въ виду того, что нѣкоторые родители дочерей, окончившихъ курсъ 7 кл. Благовѣщенскаго Епархіального женскаго училища, запрашиваютъ объ условіяхъ приѣма въ 8 классъ, Совѣтъ Забайкальскаго Епархіального женскаго училища доводитъ до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ о слѣдующемъ:

1) окончившія 7 классовъ Епархіального женскаго училища поступаютъ въ 8 классъ безъ экзамена, 2) прошенія о приѣмѣ надлежитъ подать до 1 августа, 3) плата за пансіонерское содержаніе иноепархіальныхъ взимается въ 1-й годъ обученія въ размѣрѣ 225 р., а въ послѣдующіе годы въ размѣрѣ — 200 р., 4) дочери иноепархіальнаго духовенства принимаются въ пансіонъ въ томъ случаѣ, если за принятіемъ въ него дочерей епархіальнаго духовенства окажутся свободныя мѣста и 5) приходящія воспитанницы—дочери иноепархіальнаго духовенства вносятъ за правоученіе въ годъ 50 руб.—Нынѣ въ пансіонъ училища можетъ быть принято изъ желающихъ учиться въ 8 классѣ пять человѣкъ иноепархіальныхъ.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1 августа

№ 15.

1915 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Лекціи по методикѣ Закона Божія.—Одно изъ самыхъ вѣрныхъ и существенныхъ условий успѣшности пастырскаго служенія.—Извѣстія и замѣтки.—Воззваніе общества 1914 года.—Библиографія.—Объявленія.

Лекціи по методикѣ Закона Божія*).

ГЛАВА 12-я.

Изученіе новозавѣтныхъ притчъ.

Наиболѣе труднымъ отдѣломъ въ курсѣ Новаго Завѣта, какъ кажется, являются притчи Спасителя: и внѣшней фабулы и, такъ сказать,—движенія въ нихъ меньше, чѣмъ въ передачѣ событій исторіи; и главныя цѣль ихъ—наставленіе той или другой истинѣ—представляется многимъ не столь интереснымъ и для передачи дѣтямъ труднымъ, и, наконецъ, далеко не всякій умѣетъ справиться съ толковымъ разучиваніемъ той и другой стороны въ притчѣ, и въ результатѣ урока такого „приточнаго“ характера и у дѣтей, а нерѣдко и у учителя въ головѣ остается какая-то смѣсь всего и путаница.

А притчи нужны, прямо необходимы въ курсѣ евангельской исторіи;—иначе останется тамъ пробѣлъ, ничѣмъ не покрываемый; и изучать ихъ нужно гораздо больше и полнѣе. Вѣдь притчи такъ любилъ, и такъ широко примѣнялъ Самъ Господь, и передавалъ въ нихъ самыя важныя, самыя жизненныя истины своего ученія. И въ приточной передачѣ истины эти получали не только особенную полноту, наглядность и ясность своего выраженія, но и живую прелесть и глубокую дѣйственность на сердце всякаго, тѣмъ болѣе—непосредственнаго и чистаго; чловѣка, какими и являются дѣти въ свои школьные годы. Возьмите всеѣмъ извѣстное наставленіе Спаси-

* Продолженіе. См. №№ 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 13 и 14 Епарх. Вѣд. с. г.

теля—прощать, чтобы и намъ было прощено, оставлены были долги наша: какую силу и поражающую яркость получаетъ эта, въ нашемъ обычномъ сознаниі—довольно отвлеченная, мысль въ специальной притчѣ въ раскрытіе ея: о Милосердномъ Царѣ и безжалостномъ должникѣ—заимодавцѣ. Развѣ вы, объявляя 5-е прошеніе Молитвы Господней вообще, хотя бы даже и съ справками изъ нашей собственной жизни, передадите всю ту силу убѣдительности и живой дѣйственности на сердце дѣтей, какъ при порядочномъ проведеніи указанной притчи въ классѣ?! Отсюда, притчамъ нужно удѣлять огромное вниманіе и видное мѣсто, и нужно умѣть проработывать ихъ въ классѣ съ дѣтьми.

Что такое притча?

Въ первичномъ смыслѣ, въ пору Ветхаго Завета понятіе притчи соответствовало нашему понятію пословицы. Таковы всѣ притчи Соломона—3000—въ известной книгѣ его съ этимъ именемъ. Напримѣръ: „глупый не любитъ знанія, а только бы показать свой умъ“. „Доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и злата“. „Иди къ муравью, лѣнivecъ, посмотри на дѣйствія его, и будь мудрымъ (VI.6). Но въ новозавѣтной исторіи съ словомъ притча соединяется совсѣмъ другое значеніе. Евангельская притча—всегда иносказаніе, распространенная метафора. Берется примѣръ—звлеченіе, событіе или цѣлый рядъ ихъ изъ обыкновенной жизни—міра растительнаго и животнаго, неразумнаго и разумнаго и на немъ раскрывается и уясняется какая-нибудь отвлеченная идея или понятіе. Прямой и внѣшній смыслъ притчи въ евангеліи нерѣдко относится и къ обычной жизни людей (богатый и Лазарь, званые на вечерю, злые виноградари и т. п., - большинство). Бываютъ даже притчи—просто живые и выразительные примѣры (—только безъ указанія на то, что это опредѣленный историческій фактъ); единичнаго и частнаго характера, но въ то же время—имѣющіе широкое, общечеловѣческое значеніе. Здѣсь притча уже не метафора, а скорѣе—типъ, какъ это понимается въ литературѣ (припомнимъ притчи о неразумномъ богачѣ, о несправедливомъ судіи и т. п.).

Во всякомъ случаѣ, главное мѣсто занимаетъ здѣсь (и въ данномъ случаѣ важна для методики) притча—иносказаніе. Ихъ такъ много разсыпано въ евангеліи—и помимо отдѣльных, нарочитыхъ притчъ, повсюду въ рѣчахъ Господа. Припомнимъ конецъ бесѣды Его съ самарянкою: Онъ говоритъ ученикамъ о Своей пищѣ—дѣлѣ ученія: притча. Вотъ, продолжаетъ Онъ далѣе, вы говорите, «осталось еще 4 мѣсяца до жатвы»: «возведите очи ваши на нивы, какъ побѣлѣли онѣ и поспѣли къ

жатвѣ (указывая на самарянъ, толпою шедшихъ къ нему въ своихъ бѣлыхъ покрывалахъ). Даже цѣлыя дѣйствія: напр., изсушеніе смоковницы, умовеніе ногъ, поставленіе дитяти среди апостоловъ имѣетъ тотъ же приточный характеръ. Или еще: Я—Лоза, а вы—вѣтви; Я есть добрый Пастырь. И ради уже одного осмысленнаго слушанія Евангелія въ храмахъ ученики нашихъ школъ должны умѣть понимать и раскрывать это богатство приточныхъ изреченій.

Разумѣется, въ школахъ приходится имѣть дѣло съ самыми употребительными и типичными притчами: о сѣятелѣ, о пшеницѣ и плевелахъ и т. д. Все эти притчи можно раздѣлить на 3 неравныхъ группы.—1-я, самая большая, представляетъ собою наглядное раскрытіе истины евангельскихъ и призывъ къ исправленію и вступленію въ Церковь Христа. Извѣстныя притчи на темы—о словѣ Божіемъ, о Царствѣ Его, о гордости и смиреніи, о прощеніи обидъ, раскаяніи, помощи бѣднымъ и т. д., т. д. 2-я группа—тѣсно связана съ приближеніемъ торжества зла—окончательнаго отверженія Іисуса Христа вождями еврейскими: о двухъ сыновьяхъ, о бракѣ царскаго сына, о злыхъ виноградаряхъ,—грозное предостереженіе Спасителя ослѣпленнымъ врагамъ Его; 3-я группа—связанная съ рѣчью о послѣднихъ временахъ,—притчи также эсхатологическаго характера: о Ю дѣвахъ, и о рабахъ, ожидающихъ господина, о талантахъ. Сюда же относятся неоднократныя указанія на неодинаковую послѣднюю участь, ожидающую праведныхъ и грѣшныхъ. Блаженство праведныхъ изображается вездѣ, какъ торжественный и исполненный веселья пиръ, чертогъ брачный и царская вечеря, гдѣ тучная, все и утоляющая трапеза, и радость и любовь, гдѣ свѣтъ, и тепло и ликованіе. Но тамъ нѣтъ мѣста отвергшимся и упорно—грѣшнымъ; ихъ удѣлъ—кромѣшная (виѣшная по отношенію къ чертогу блаженства) тьма и холодъ, и безотрадная тоска; и злобное отчаяніе (плачь и скрежетъ зубовъ),—геенна огненная, какъ живой образъ неутасалоуаго и ужаснаго (какъ огонь Молоха въ долину сыновъ Енномовыхъ), но и поядающаго все нечистое и мерзкое, какъ въ той же долину во дни Христа.

Уже изъ этого бѣглаго очерка ясно, какъ тѣсно сплетены притчи съ исторіей жизни Спасителя, и какъ важны, безусловно необходимы: раскрываемая ими истины для усвоенія дѣтьми самыхъ основъ, самаго главнаго въ системѣ вѣроученія христіанскаго. Потому то и должно ими такъ дорожить, потому и должно стремиться къ тому, чтобы почти все онѣ были если не разучены, то, по крайней мѣрѣ, обстоятельно, полно и ясно сообщены дѣтямъ на урокахъ, непременно съ надлежащимъ толкованіемъ ихъ.

Но какъ же вести это толкованіе какъ должны проходить притчи съ учениками—въ классѣ?

Первое правило здѣсь—не спѣшить и отнюдь не перебѣгать отъ одного ряда представленій, ассоціацій ихъ и отношеній—къ другому.

Итакъ, въ притчахъ всегда два смысла, и сообразно этому—два обособленныхъ порядка рѣчи: смыслъ прямой и ближайшій, внѣшній, и переносный—внутренній. И объясненія или разучивая съ дѣтьми притчу нельзя, въ изложеніи смысла прямого, дѣлать вставки изъ строя смысла переноснаго, и наоборотъ. Оба смысла проводится послѣдовательно, закончено и раздѣльно. Только тогда у дѣтей не получится путаницы представленій.

Конечно, естественнѣй и проще проводится уже съ разсказа учителя прямой смыслъ: передаваемая имъ справка изъ указанной уже обыкновенной жизни потому и берется здѣсь, что она такъ наглядна и проста, незатѣйлива и всемъ доступна. И почти весь матеріалъ для разсказа дѣтямъ обычно дается здѣсь уже въ евангеліи (какъ и въ названныхъ выше учебникахъ). Но не всегда такъ.

У нѣкоторыхъ притчъ сказывается иногда своя особая бытовая или историческая подпочва. И учителю поэтому нужно, для полного и отчетливаго воспріятія дѣтьми уже этого смысла прямого и внѣшняго, приспособить свою передачу ея къ ихъ пониманію, къ ихъ наличному кругозору. Возьмите ту же притчу о сѣятелѣ: нетрудно подмѣтить, что понятная для большинства сельскихъ дѣтей, она у дѣтей горожанъ требуетъ отъ преподающаго особой остановки и выясненій. Или—о горчичномъ зернѣ: рѣдко кто изъ нашихъ дѣтей—и сельскихъ—знаетъ основное отличіе его: мелкость зерна и сравнительную огромность вырастающаго куста. Стѣна, ограда, точило въ виноградникѣ—все это дѣтямъ опять-таки должно быть спеціально выяснено при разсказѣ притчи по прямому смыслу. Или—о подпочвѣ исторической: притча о долгѣ въ 10000 талантовъ у раба—царю, и въ 100 динаріевъ—долгъ товарища самому этому рабу—только тогда произведетъ надлежащее впечатлѣніе, когда приведемъ приблизительную справку о цѣнѣ тѣхъ и другихъ денегъ (когда получается разница долга приблизительно въ миллионъ разъ). Также нужна справка о брачной одеждѣ, (—о бракѣ царскаго сына) объ обычаяхъ свадебныхъ для выясненія, почему и какъ 10 дѣвъ вышли на встрѣчу жениху, объ отношеніяхъ евреевъ къ свищьямъ и должности свинопаса (—притча о блудномъ сынѣ) и др.—Только тогда, когда вы заполните соответствующіе пробѣлы и въ достаточной степени уясните все темныя мѣста, дѣти и смогутъ схватить, запомнить

и просознать весь этот—чуждый намъ сначала, евреямъ же бывший понятнымъ съ первыхъ словъ разсказа—прямой смыслъ притчи. Приведемъ, для примѣра конецъ притчи о бракѣ царскаго сына И пришелъ тогда Царь на радостную и прекрасную вечерю, брачный пиръ Своего любимаго Сына. Такъ какъ любить Онъ всѣхъ этихъ пришедшихъ на вечерю во дворецъ Его, то сталъ обходить всѣхъ ихъ. Цари въ прежнія времена всѣмъ приглашеннымъ посылали отъ себя новыя дорогія одежды, и въ этихъ одеждахъ гости къ нимъ во дворецъ и приходили. Но вотъ подходитъ Царь къ одному человѣку, который оказался не въ этой новой и чистой одеждѣ, а въ старой и загрязненной. И сказалъ ему Царь ласково, такъ какъ желалъ Онъ, чтобы тотъ раскаялся и попросилъ себѣ такую же новую одежду: другъ, почему ты не въ брачной одеждѣ пришелъ сюда?—Но тотъ упорно молчалъ—не раскаявался, не просилъ и не сознавался... и т. д.—Думается, послѣ всѣхъ этихъ объяснительныхъ вставокъ и отгѣняющихъ выраженій, въ этомъ мѣстѣ, по отношенію къ основному содержанию притчи, представляющему совсѣмъ новую подробность, дѣтямъ все будетъ понятно, и настолько, что потомъ легко будетъ привязать сюда внутренній, переносный смыслъ ея.

Такимъ образомъ, послѣднимъ требованіемъ для передачи притчи въ прямой и виѣшней сторонѣ ея, является еще то, чтобы на видный планъ выдвигались всегда тѣ подробности, которыя имѣютъ наибольшее отношеніе къ болѣе трудному и важному—внутреннему смыслу ея. Конечно, пересаливать, нарушать чувство мѣры и уродовать разсказъ здѣсь нельзя: но постоянно нужно слѣдить—хотя бы по лицамъ, а потомъ по отвѣтамъ учениковъ—за тѣмъ, чтобы эти подробности не прошли у нихъ незамѣченными или замѣченными плохо.

Объясненія внутренняго смысла притчъ. Прообразы. Чудеса.

Перейдемъ теперь къ внутреннему, переносному смыслу притчъ евангельскихъ. Переносный смыслъ притчи—это всегда правоученіе, указаніе, какъ жить, какъ слѣжаться лучше, какъ войти человѣку въ царство Божіе. Для насъ, людей болѣе или менѣе развитыхъ, въ особенности обладающихъ извѣстною подготовкою и свѣдѣніями въ Законѣ Божіемъ, этотъ переносный, или какъ въ старину его называли—„возводный“ смыслъ всегда—или почти всегда—представляется совершенно понятнымъ и яснымъ, естественно и необходимо вытекающимъ изъ прямого ея содержанія. Но совсѣмъ не то для дѣтей. Да припомнимъ: даже апостолы, правда—простые рыбаки изъ сравнительно далекой еврейской провинціи (Галилеи), но все

же; знавшіе и Ижеанія пророковъ, часто не понимали этого смысла и нарочито спрашивали у Спасителя— „скажи намъ притчу сію“ (напр.: о сѣятелѣ, о пшеницѣ и плевелахъ); не понимали они вовсе и такихъ Его краткихъ образныхъ выраженій, какъ—блюститесь фарисейской закваски, или о ножѣ—на трудную пору предательства. Такъ и теперь: возьмите, на примѣръ, такіа общеизвѣстныя и общепонятныя притчи, какъ—о мытарѣ и фарисеѣ, о богатомъ и Лазарѣ, о блудномъ сынѣ. Намъ внутренній ихъ смыслъ такъ простъ и ясенъ, можно сказать—понятенъ съ перваго взгляда. Но совсѣмъ иное—для дѣтей. Для нихъ, пока вы не разъяснили его и не отъѣнили, здѣсь будутъ все простые интересные разказы, эпизодическаго характера, такіе же совершенно, какъ для насъ—укрощеніе бури, или даже проще того, ибо для насъ и укрощеніе бури все же есть свидѣтельство, указаніе на нѣчто высшее и выводное—прежде всего на царственное достоинство и власть Сына Человѣческаго. Дѣти сами дальше данныхъ лицъ и даннаго событія не видятъ и не въ состояніи увидѣть. Ихъ нужно намъренно привлечь сюда, натолкнуть на него,—приподнять, такъ сказать,—предъ ихъ очами завѣсу; и тогда только притча будетъ для нихъ именно притчей, говорящей о чемъ-то другомъ—внутреннемъ, нравоучительномъ и высшемъ. Поэтому, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кажется вамъ, что ученики ваши могутъ догадаться о смыслѣ притчи сами, вы тѣмъ не менѣе непремѣнно выясняйте его имъ (трудное—собственною рѣчью, болѣе легкое и простое—наводящими вопросами), ибо дѣти не только въѣдь должны въ общихъ чертахъ и приблизительно понять его, но уяснить, по возможности и шире раскрыть себѣ этотъ внутренній смыслъ, достаточно основательно и отчетливо въ немъ разобраться.—Нечего и говорить, что переходить къ переносному смыслу нужно уже послѣ того, какъ проведено и закончено все съ прямымъ смысломъ, т. е.—и катехизація по нему, и передача этой стороны притчи ученикомъ или учениками. Но когда мы приступаемъ ватѣмъ къ выясненію внутренней „возводной“ стороны ея, то тутъ возможенъ двоякій пріемъ. Или можно вести сразу же, примѣняясь къ разученному внѣшнему разказу притчи и параллельно ему, полное соответственное нравоученіе, охватывающее содержаніе притчи въ цѣломъ. На примѣръ,—въ притчѣ о сѣятелѣ: замѣтивъ вообще, что буквальный смыслъ этой притчи даетъ намъ указаніе того, какъ различно принимаютъ люди Слово Божіе (или Законъ Божій), шѣтомъ и вести рѣчь прямо: „Вотъ-де бываетъ у насъ, что люди только ушами слушаютъ это Божіе слово, и тогда оно у нихъ пропадаетъ безслѣдно,—ничего добраго въ ихъ сердцахъ“

не остается; другіе только-де на короткое время интересуются имъ,— пока слышатъ, имъ хочется такъ по Божьи поступать и жить, а потомъ и они все это все забываютъ,— и этимъ путемъ провести всю притчу. Или же можно не сразу раскрывать этотъ внутренний смыслъ, а предварительно, такъ сказать,— перебросить мостъ къ нему отъ усвоеннаго дѣтскими буквальнаго содержанія притчи. Мостомъ этимъ являются въ такомъ случаѣ пункты соответствія, подобія. Напримѣръ, въ притчѣ о пшеницѣ и плевелахъ: добрая пшеница—сыны царствія, хорошіе люди, тѣ, кто живетъ по Закону Божію; плевелы—сыны лукаваго, злые, лживые и упорные грѣшники, которые добра никому не дѣлаютъ; слуги и жнецы—это ангелы Божіи; жатва—кончина міра. И уже послѣ этого устанавливать, при содѣйствіи учениковъ, объясненіе притчи въ ея внутреннемъ значеніи, въ двухъ ея составныхъ частяхъ—моментахъ.

Едва ли кто будетъ спорить противъ того, что этотъ второй способъ объясненія притчи болѣе удобопріемлемъ и методиченъ. Здѣсь, очевидно, гораздо больше постепенности и связи въ переходѣ отъ одного смысла притчи къ другому. И самый переходъ этотъ бываетъ тогда гораздо проще и естественнѣй. Прикрѣпленное и приближенное тѣми „мостами“ внутреннее содержаніе притчи будетъ входить въ этомъ случаѣ въ сознаніе дѣтей легко и правильно, какъ уже достаточно освѣщенное для нихъ со стороны своего исхода и соприкосновенія съ прямымъ смысломъ, который имъ уже хорошо извѣстенъ. И мы знаемъ, Самъ Господь, хотя бы въ томъ же примѣрѣ притчи о пшеницѣ и плевелахъ, свое разъясненіе смысла притчи давалъ ученикамъ именно этимъ способомъ.

Мы имѣли въ виду до сихъ поръ тотъ внутренний смыслъ притчъ евангельскихъ, въ какомъ предлагалъ ихъ Господь своимъ слушателямъ—современникамъ, тѣмъ „погибшимъ овцамъ дому Израилеву“ къ которымъ съ Своею божественною проповѣдію пришелъ Онъ. Но въ наше время, при объясненіи этихъ притчъ и въ церкви, и въ классѣ—ученикамъ, однимъ этимъ; современнымъ Христу и былымъ для насъ, смысломъ притчи ея протолкованіе не должно быть закончено. Дѣло въ томъ, что очень нерѣдко этотъ историческій переносный смыслъ притчи не совпадаетъ, или не вполне совпадаетъ съ тѣмъ, въ какомъ та или иная притча можетъ и непремѣнно должна имѣть примѣненіе для нашего времени, для той среды, какую представляютъ собою дѣти и тѣ, кто ихъ окружаетъ. Назовемъ хотя бы притчи: о званыхъ на вечерю, о бракѣ царскаго сына, о „наятыхъ дѣлателяхъ“, о послушномъ и непокорномъ сынѣ и др.

Такъ, евреевъ и язычниковъ, въ быломъ, „евангельскомъ“, значеніи и взаимоотношеніи ихъ, теперь, можно сказать, уже нѣтъ, а отсюда—нѣтъ той живой пужды къ нимъ примѣнять нравоучительный смыслъ притчи,—равно какъ нѣтъ тѣхъ всѣмъ извѣстныхъ мытарей и фарисеевъ, этихъ наиболее типичныхъ представителей того общества, въ которомъ дѣйствовалъ и училъ при земной своей жизни Спаситель. А вѣдь зато грѣхи и заблужденія, немощи, отговорки и измѣны ученію Христа—и нынѣ все тѣ же, если порою не большія; и много ихъ имѣется уже и въ дѣтской, а тѣмъ болѣе—у взрослыхъ въ имѣ близкой, живой средѣ. Поэтому, за первымъ, ближайшимъ переноснымъ смысломъ историческимъ, въ цѣляхъ, самаго важнаго для насъ, нравственнаго воздѣйствія на дѣтей, ихъ подготовки для жизни, необходимо указывать и другой дальнѣйшій, въ какомъ притча эта имѣетъ соответственное приложеніе и къ нашему нравственному состоянію и жизни. И такимъ образомъ, въ той же притчѣ о званыхъ на вечерю¹⁾ внутренній смыслъ ея, конечно, будетъ выясняться прежде всего указаніемъ, что приглашались въ первую очередь званые, т. е. праведники—книжники, фарисеи и вообще тѣ, кто гордился знаніемъ закона, которые однакоже войти туда не захотѣли; за ними—бывшіе на распутіяхъ и стогнахъ того же самаго града, т. е. въ томъ же народѣ Израильскомъ,—тѣ, кто почитались грѣшниками въ немъ—нищіе, убогіе, слѣпцы и хромые душевно: изъ этихъ вошли многіе, но вечеря не наполнилась. Тогда посылаетъ Владыка дома и на пути и халуги—за ограду (города—народа) и на дороги—въ сторону—звать всякихъ уже, т. е. не евреевъ лишь, но и язычниковъ, да наполнится домъ—Церковь Божія. Такъ установится историческій смыслъ притчи. Но при разучиваніи къ концу, такъ сказать при подведеніи итоговъ урока съ этою притчею, главное вниманіе законоучитель долженъ направить все же не сюда, не на этотъ уже отошедшій въ глубь прошедшихъ столѣтій смыслъ ея. Оттѣнить онъ болѣе всего въ сознаніи дѣтей своихъ то, какъ и мы, живущіе теперь, подобно тѣмъ современникамъ Спасителя все не хотимъ войти въ Царство Божіе изъ-за интересовъ земныхъ, какъ заполняемъ расчетами житейскими, такъ что и въ наши дни по прежнему много званыхъ, да мало избранныхъ.

Отсюда и въ тѣхъ притчахъ, переносный смыслъ которыхъ вѣченъ и имѣетъ, такъ сказать, общечеловѣческое, а не преходящее историческое значеніе, все же при раскрытіи и за-
поминаніи его нужно не ограничиваться установленіемъ общаго

¹⁾ Лукы XIV. 16-24.

его и болѣе или менѣе отвлеченнаго смысла, а непременно доводить этотъ смыслъ до того же примѣненія къ дѣтямъ. Такъ, объясняя, на примѣръ, притчу о талантахъ, нельзя спѣшить, отдѣлавшись замѣчаніемъ, что таланты—это дарованія, способности, какія получаетъ человѣкъ отъ Бога (а нѣкоторые, замѣтимъ, не дѣлаютъ и этого); непременно должно частіе, живѣе, да и полнѣе припомнить съ дѣтьми, что имѣемъ мы отъ Бога—(разумѣется, укажется здѣсь и богатство, и семья—любовь и заботы родителей, и разные виды дарованій), и особенно отгнать съ ними, какъ гложуть и погибаютъ эти способности наши, когда мы зарываемъ талантъ свой въ землю—лѣнимся, не хотимъ учиться,—на примѣръ, или дѣлать добро ближнему.

Такимъ путемъ, въ такомъ порядкѣ и должны, по нашему мнѣнію, изучаться притчи Новаго Завета. Самое главное и здѣсь—раздѣльность и послѣдовательность въ составныхъ моментахъ урока. Урокъ этотъ, такимъ образомъ, долженъ распадаться на двѣ главныхъ половины—по смысламъ притчи прямому и внутреннему; къ этимъ двумъ основнымъ частямъ примыкаютъ двѣ добавочныхъ: установленіе моментовъ и чертъ сходства, параллелей между смысломъ буквальнымъ и переноснымъ; мѣсто ему—при переходѣ отъ перваго къ второму; и наконецъ, примѣненіе внутренняго смысла притчи къ дѣтямъ; оно должно входить въ самое раскрытіе внутренняго смысла, выдѣляться же особо уже при завершеніи урока.

Послѣднее замѣчаніе. Для того, чтобы легче и естественнѣе былъ переходъ отъ буквальнаго смысла притчи къ переносному—самая трудная и, такъ сказать, нѣжная часть этихъ уроковъ—слѣдуетъ уже при самомъ разсказѣ и разучиваніи перваго—буквальнаго—смысла притчи отгнать и точно запоминать съ дѣтьми соответствующія мѣста. На примѣръ, возьмемъ притчу о Милосердномъ Царѣ и безжалостномъ займодавицѣ: здѣсь для уясненія главной мысли притчи—что если мы ближнему не прощаемъ, хотя долженъ онъ мало, то и Богъ намъ не проститъ, тогда какъ Ему мы должны безмѣрно много—очень сильно помогаетъ внѣшнее соотношеніе цифръ.—Рабъ долженъ былъ Царю 10000 талантовъ, т. е.—болѣе 20 милліоновъ рублей—на наши деньги; товарищъ долженъ былъ рабу 100 динарѣвъ, на наши деньги—болѣе 20 рублей, такимъ образомъ—въ милліонъ разъ меньше, чѣмъ самъ онъ Царю.—Данная мысль притчи отгняется здѣсь рѣзко и наглядно. Или—въ притчѣ о злыхъ виноградаряхъ: коротко, но ясно нужно при самомъ разсказѣ ея отгнать: какое значеніе имѣетъ ограда

(отдѣляетъ и защищаетъ совѣтъ садъ) и башня (и она на виду, и съ нея все видно и все слышно), и точило (куда стекаетъ *красный* сокъ винограда), а также—гдѣ убили сына: каждый преподаватель, думается, замѣтитъ сразу, что все это очень пригодится при объясненіи, т. е. установленіи внутренняго смысла; притчи. Такъ много даетъ еще: указаніе, какъ свѣтло и тепло въ Чертогѣ; темно и холодно—снаружи его; что скрежутъ люди зубами, когда имъ очень больно изъ ужь елиничкомъ велико горе и т. п. Все это нужно дѣтямъ отънять или напоминать; иной разъ нужно указать даже и то, что огонь—жжетъ; и тогда намъ больно, иначе у многихъ изъ нихъ и огонь наказаній войдетъ въ память ихъ только какъ знакомое слово.

Къ установленнымъ нами правиламъ разучиванія и разъясненія притчъ примыкаетъ и преподаваніе ветхозавѣтныхъ прообразовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ сказали мы, притчи Ветхаго Завѣта совсѣмъ далеки по своему существу и строю отъ притчъ новозавѣтныхъ, то прообразы, наоборотъ, близки къ нимъ—до совпаденія. Прообразы, можно сказать, это тѣ же притчи, только изложенныя не словами, звуками и буквами, а дѣйствительными историческими событіями, предметами и лицами. Возьмемъ, на примѣръ, исторію пророка Лоны, съ его трехдневнымъ пребываніемъ во чревѣ рыбы (китовъ) и послѣдовавшимъ возстановленіемъ къ жизни. Развѣ это не ясно и не наглядное и самое типичное предугазаніе, пророчество, и предсказаніе, и иносказаніе о другомъ, безмѣрно—болѣе важномъ и чудесномъ событіи, т. е.—своего рода притча, смыслъ которой—Воскресеніе изъ мертвыхъ Того, о Комъ всегда говорили ветхозавѣтные пророки, но только пророчество это предложено намъ, какъ частный эпизодъ въ жизни послушавшагося Бога пророка.

Таковы и все другіе прообразы, которыми, можно сказать, насыщенъ весь Ветхій Завѣтъ—и въ его событіяхъ, и въ его лицахъ, и въ его обрядовой обстановкѣ, прообразы—то простые, съ такъ сказать—единичнымъ значеніемъ (манна, древо Мерры, Моисей на г. Хоривѣ), то чаще—съ сложнымъ и многосоставнымъ содержаніемъ (—Иона, Иосифъ, жертвоприношеніе Исаака, Мельхиседекъ).

Такимъ образомъ, и здѣсь, при разучиваніи прообразовъ, нужно послѣдовательно излагать дѣтямъ сначала прямой, а потомъ—внутренній, иносказательный смыслъ. Примымъ смысломъ, очевидно, и является самое историческое событіе, допустимъ—жертвоприношеніе Исаака или Видѣніе Иаковомъ

дѣйствицы. Это и нужно изучать самостоятельно и отдѣльно, отнюдь не забывая впередъ— не перескакивая къ приточному смыслу; но только, помня послѣднее правило;— слѣдуетъ выдѣлять вниманіемъ, оттънять и точно запоминать съ дѣтьми все важныя для прообраза подробности (— Авраамъ добровольно жертвуетъ сыномъ, котораго особенно любить и въ которомъ вся его надежда; трехдневный путь, когда для отца Исаакъ уже какъ бы мертвый; добровольное согласіе кроткаго Исаака;— такъ и съ дѣтвицей, которая соединяла небо съ землей и т. д.). Затѣмъ и здѣсь долженъ быть переходный моментъ— мость отъ одного смысла событія къ другому; здѣсь должны быть указаны моменты и черты сходства ветхозавѣтнаго съ соотносительнымъ новозавѣтнымъ. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ и то, какъ располагать эти черты сходства— въ какомъ порядкѣ— хронологическомъ или логическомъ? Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ— хорошихъ— учебникахъ, гдѣ смыслу прообразовъ уделяется особое вниманіе и парочитая рѣчь, черты сходства приводятся такъ, что у дѣтей получается довольно сбивчивое объясненіе даннаго прообраза (напр. того же жертвоприношенія Исаака или исторіи Иосифа): на первомъ планѣ ставится второстепенное и несущественное, а главное и основное— потомъ, перѣдко въ срединѣ. Отсюда, на необходимый повторительный вопросъ: какъ прообразовало жертвоприношеніе Исаака? Распятіе Спасителя,— вы услышите: „три дня и нощь Авраамъ съ Исаакомъ“ и т. д., т. е. всегда не то, что существеннѣе и важнѣе, а съ чего начиналось раскрытіе прообраза: первое вѣдь всегда заимцается дѣтьми лучше и такъ и заляжетъ въ сознаніи ихъ первостепеннымъ. Отсюда, при начальномъ объясненіи прообраза учащимся, можно еще, подводя ихъ къ внутреннему смыслу его и идя отъ менѣе важнаго къ болѣе важному и все освѣщающему, начинать, и съ деталей и второстепеннаго хотя бы и въ порядкѣ хронологическомъ; но при запоминаніи, при повтореніяхъ и вопросѣ учениковъ— непременно должно начинать, намѣренно на первомъ планѣ ставить— главное и самое существенное: здѣсь— добровольная жертва отца сыномъ, у Иосифа— невинное страданіе отъ близкихъ и т. д.; такъ, чтобы послѣ съ этого дѣти свое раскрытіе прообраза и начинали.

Отмѣтивъ и установивъ эти моменты и черты сходства между даннымъ лицомъ или событіемъ и прообразомъ, знача что оно предуказывало¹⁾, слѣдуетъ перейти и къ самому раскрытію этого внутренняго смысла— въ полномъ и законченномъ

¹⁾ Въ началѣ, при первыхъ прообразахъ, нужно по возможности отчетливо и ясно усвоить съ дѣтьми, что значитъ самое слово прообразъ, научивъ ихъ правильно произносить его.

его видѣ. Но здѣсь уже будетъ у насъ большая разница съ изложеніемъ внутренняго значенія притчъ. Въ послѣднихъ внутренній—нравственный—смыслъ излагается послѣ отмѣченной выше предварительной подготовки, обычно самостоятельно и обособленно, одинъ онъ—почти безъ справокъ съ частностями смысла прямого; въ прообразахъ же дѣлать это и трудно, да и нежелательно. Напротивъ, здѣсь, перебросивъ тотъ переводящій мостъ, законоучитель и въ окончательномъ изложеніи будетъ держаться все того же параллелизма, обычно по такому шаблону: *какъ* (пророкъ Іона былъ во чревъ рыбы три дня и три noci), *такъ* (и Господь Іисусъ Христосъ былъ въ нѣдрахъ земли—во гробѣ—три дня и три noci) и т. п.,—и гдѣ объясненіе будетъ сложно, тамъ придется провести цѣлый рядъ такихъ сопоставленій, не исключая и самой окончательной редакціи объясненія того или иного прообраза. Ибо здѣсь и цѣль здѣсь другая: не отыскать самому внутренній смыслъ, какъ нѣчто новое, для нашего нравственнаго сознанія открывающееся, насъ обучающее—что было цѣлію объясненія притчъ, но—между двумя данными, уже извѣстными событіями и лицами историческими, именно установить связь, сопоставить ихъ во взаимномъ освѣщеніи.

Отсюда, и 4-й моментъ (въ притчахъ—примѣненіе къ нашей собственной наличной жизни) будетъ опять—таки не тотъ. И прежде всего его не всегда нужно будетъ и давать, ибо, въ виду однообразія и характера главнымъ образомъ все же вышше—историческаго, то было бы скучнымъ и даже вреднымъ для дѣла повтореніемъ. Въ самомъ дѣлѣ смыслъ этихъ объясненій относится всегда къ области не право, а вѣро—ученія, и живое примѣненіе, исключительное воспитывающее значеніе всѣхъ эти прообразы имѣли именно для своего времени, для тѣхъ людей и поколѣній, которымъ они давались, для сыновъ Закона, бывшаго лишь пѣстуномъ ко Христу! И такимъ образомъ мѣсто того личнаго живого примѣненія должно заступить здѣсь раскрытіе предъ сознаніемъ учащихъ этой общей идеи—дѣтководительства ветхозавѣтнаго Израиля къ принятію Мессіи, предуготовительнаго воспитанія основныхъ представлений о Немъ, какъ Икупитель, человечества и Побѣдитель діавола и смерти. Всего полнѣе, живѣе и лучше выявляется эта основная идея всего Вѣтхаго Завѣта именно здѣсь, на прообразахъ: сюда и нужно приводить сознаніе дѣтей при изученіи ихъ, время отъ времени, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ отчетливѣе и чаще.

— Въ заключеніе этого отдѣла о преподаваніи Священной Исторіи—нѣсколько словъ о чудесахъ библейскихъ. Каждый

законоучитель хорошо знает, какъ легко и просто преподавать подобнаго рода исторіи, напр. о пророкахъ Іліи и Елисеѣ— въ Ветхомъ Завѣтѣ, или исцѣленіяхъ, хожденіи по водамъ— въ Новозавѣтной исторіи. Но зато въ усвоеніи дѣтьми, въ требуемомъ по существу отчетливомъ представленіи хода и послѣдовательности событій здѣсь, особенно въ Новомъ Завѣтѣ, дѣло обстоитъ несравненно хуже. Исторіи всегда располагаются, и изучаются всюду, въ послѣдовательности только хронологической (по пасхамъ),—тамъ, гдѣ изучаются онѣ болѣе полно и подробно. Отсюда въ запоминаніи и воспроизведеніи ихъ потомъ нѣтъ иль очень мало, такъ сказать—распланированности ихъ содержанія; между отдѣльными исторіями такъ и не будетъ связи; при общемъ обзорѣ онѣ такъ и представляются въ какой-то общей массѣ, безъ логическихъ группировокъ, безъ логическаго распредѣленія по составнымъ частямъ, безъ естественнаго перехода отъ одного отдѣла къ другому.—Избѣжать вовсе этого, кажется, невозможно; но улучшить и облегчить дѣло до известной степени—слѣдуетъ. Такимъ помогающимъ средствомъ представляется главнымъ образомъ объединеніе исторій, сходныхъ по содержанію, при изученіи послѣдующихъ, однородныхъ уже съ выученными, всего лучше—при катехизации. Сначала объединеніе слѣдуетъ проводить по тѣмъ группамъ (исцѣленіе разслабленныхъ, чудеса на морѣ, воскрешенія умершихъ), а потомъ можно вводить и болѣе общую группировку: исцѣленіе болѣзней, владычество надъ неразумной природой, побѣда надъ смертію; въ известныхъ случаяхъ хорошо, для пробужденія сознательнаго участія дѣтей, отбѣнять степень важности и поразительности чуда (напр. Преображенія или Воскрешенія четверодневнаго Лазаря).

Большое значенія, но только съ болѣе взрослыми и развитыми дѣтьми, имѣетъ вопросъ о достовѣрности чудесъ. Бываетъ, что дѣти и 14 лѣтъ, особенно вражающіеся съ болѣе взрослыми, уже задаютъ свои вопросы, возраженія и недоумѣнія. Какъ быть съ ними, особенно еще въ младшихъ классахъ?

Нечего и говорить, что заниматься съ ними строго—научными операціями и отвлеченными соображеніями обычно не слѣдуетъ. Но и замазывать ротъ, отдѣлываться окрикомъ: „молчи, потомъ узнаешь“—также нельзя. На возраженія и недоумѣнія отвѣчать должно всегда—давать вопрошающему отчетъ въ своемъ унованіи,—но только примѣняясь къ возрасту и пониманію, въ формѣ доступной и такимъ дѣтямъ. Больше того: даже если и не будетъ задаваться такихъ возраженій и недоумѣній, ихъ слѣдуетъ заранѣе предвидѣть и предупредить, такъ какъ вѣдь

можно съ большой вѣроятностью сказать, что со временемъ эта критика, но уже при худшихъ условіяхъ—когда врача не будетъ—все равно ихъ коснется. Для вѣры нашей время теперь боевое, и потому законоучитель, смотрящій на дѣло свое, какъ на необходимое подготовленіе къ послѣдующей жизни, уже и на этой ступени изученія Закона Божія долженъ заниматься и своего рода апологетическою профилактикою. Въ вопросѣ же о чудесахъ профилактика эта, принятіе напередъ мѣръ предохранительныхъ, тѣмъ болѣе необходима, что въ настроеніяхъ современныхъ массъ рѣзко сказываются двѣ противоположныя крайности. Одни склонны чудесамъ не вѣрить; другіе, наоборотъ, хотять всегда видѣть чудесное тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ его, и незамѣтно подмѣниваютъ вѣру суевѣріемъ, а чудеса—разными примѣтами или шарлатанствомъ.

Въ предупрежденіе заразы дѣтей недугами такого невѣрія или суевѣрія необходимо—и вовсе не трудно и въ этомъ возрастѣ—установить въ ихъ сознаніи два основныхъ положенія: а) чудеса совершаются только въ случаѣ серьезной, важной для человѣка, нужды, и б) чудо совершается лишь тогда, когда человѣкъ крѣпко вѣруетъ и о томъ Бога проситъ. Последнее положеніе легко и въ высшей степени наглядно и конкретно устанавливается въ исторіи хожденія по водамъ, когда ап. Петръ шелъ, какъ и Христосъ, потому что вѣрилъ, а потомъ усумнился, т. е. утратилъ ту рѣву—и сталъ тонуть, пока по его просьбѣ Господь не протянулъ ему руку помощи (дальнѣйшимъ подтвержденіемъ того же—въ тѣхъ школахъ, гдѣ изучается св. исторія болѣе полно, является изреченіе емоковницы съ словами Спасителя о вѣрѣ—съ зерно горчицное). Первое—то есть то, что чудеса—явленія не мелко случайныя и попусту или ради простого любопытства не совершаются—подтверждается характеромъ всѣхъ вообще евангельскихъ чудесъ, гдѣ всегда помощь высшая подается лишь потому, что она была для получающихъ ее необходима—и для тѣла, и для спасенія ихъ вѣрою. Важно отгѣнить здѣсь, и опять-таки на основѣ самаго Евангелія, что чудеса Христовы являются, по общей и высшей своей идеѣ, «знаменіями» силы Божіей въ мірѣ, всего проще и легче—съ той стороны, что они представлялись людямъ самымъ сильнымъ—нагляднымъ и убѣдительнымъ—доказательствомъ Божественнаго достоинства Спасителя.

Однако, такъ какъ учителю нерѣдко приходится чрезъ головы учениковъ говорить съ тѣми, кто гораздо развитѣе и старше ихъ, а съ другой стороны—самъ онъ только тогда будетъ убѣдителенъ и положительно вліяющъ, когда будетъ

имѣтъ сложившійся и отчетливый взглядъ на природу чудесъ, то важно, чтобы по данному вопросу у самого преподающаго не было обычнаго теперь, поверхностнаго и совершенно неправильнаго представленія о чудѣ, какъ таковомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что обычно разумѣется у насъ подъ словомъ „чудо“?— Нѣчто почти анти-разумное, какая-то выше-страннаго, иногда до степени абсурдности, случайность, совершенно непонятная и необъяснимая по своей сущности. Чудо чаще всего трактуютъ— не только противники его (во имя разумной науки), но даже и защитники,—какъ нѣчто отрицающее и пожалуй извращающее извѣстные намъ законы міровой жизни, законы природы, какъ нѣчто противоестественное. Но это—то по существу совершенно невѣрно,—совершенно убогое, бѣдное, почти противоположное истинному христіанскому сознанію и міропониманію представленіе.—Да, законами природы, извѣстными „душевному“ человѣку съ его паличнымъ научнымъ знаніемъ, чуда не объяснить: какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить возвращеніе къ жизни разложившагося во гробѣ мертвеца, или насыщеніе 5 хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ, при чемъ собрано было 12 корзинъ остатковъ, или мгновенное прекращеніе бури по сказанному обычнымъ человѣческимъ голосомъ „умолкни“. Ясно каждому, что и тогда, когда ап. Петръ, вѣруя, шелъ по водамъ, удѣльный вѣсъ его тѣла, какъ и у всякаго изъ насъ, былъ тяжелѣе воды, а потому по закону тягостнѣя онъ долженъ былъ не плыти, а погружаться. И тѣмъ не менѣе, непоколебимо вѣруемъ мы, факты эти были: вѣрна наука—съ общими законами ея; несомнѣнны и данные факты—чудеса, подъ эти законы, очевидно, не подводимые, отнюдь не могущіе быть объясняемы ими, только ими.

— На что же намъ все это указываетъ? Да только на то, что область вѣдѣній человѣческаго въ данномъ случаѣ не полна (чего принципиально не станеть отвергать ни одинъ серьезный ученый), и что кромѣ тѣхъ законовъ естественныхъ, которые намъ извѣстны, есть еще другіе—также реальныя, дѣйствующіе, могущіе, которые однакоже обычному человѣческому сознанію невѣдомы, совершенно не учитываются (и пока—и не могутъ учитываться) имъ, но которые несомнѣнно есть, такъ какъ проявленія дѣйствія, силы ихъ мы видимъ.

И такъ, чудеса есть несомнѣнныя реальныя событія, необъяснимыя паличными данными разсудочнаго нашего знанія, но отнюдь не противоестественныя, а вышеестественныя, т. е. производимыя также естественными, реальными силами существующаго, но только высшаго порядка, высшей природы. Чудо, по отношенію къ области извѣстныхъ законовъ и силъ при-

роды, есть препобѣжденіе низшихъ силъ силами высшими. Аналогичное этому мы постоянно видимъ и въ извѣстныхъ намъ порядкахъ природы. Законы бытія неорганической природы всеобщі и неустраимы: но въ сферѣ жизни органической они какъ бы отмѣняются, а точнѣе препобѣждаются. Камень лежитъ на мѣстѣ и не можетъ на волосъ увеличиться, развѣ только по прибавителю нѣчто, какъ слагаемое, отвнѣ: растеніе тянется къверху, увеличивается, именно растетъ—изнутри, по законамъ своей жизни, недоступнымъ и неприложимымъ къ камню. Дайте этому монолиту сознание: онъ призналъ бы фактъ жизни простѣйшей травки чудомъ, а въ пору до третьяго дня міротворенія—назвалъ бы даже чѣмъ-то фантастическимъ и нарушающимъ все вѣдомые ему законы природы. Такъ до пятаго дня творенія кусты и деревья не должны были допускать и возможности произвольныхъ движеній, а предшественники человѣка по шестому дню—допускать царства разума человѣческаго, этой новой и самой совершенной изъ извѣстныхъ намъ сферъ земного порядка бытія. И странно: неужели же во имя этого разума, который расцвѣлъ и окрѣпъ въ работѣ научной, мы непременно должны остановиться на человѣкѣ, да на его разумно-свободной дѣятельности. Не естественно ли, не рациональнѣе предположить существованіе и далѣе идущихъ высь, тоже свободныхъ и разумныхъ силъ и порядковъ, хотя бы, съ точки зрѣнія сухого знанія, въ видѣ гипотезы для объясненія того, что, по выраженію Гамлета, «и не снилось древнимъ нашимъ мудрецамъ», но что знаемъ мы, несомнѣнно бываетъ и бывало. Да, эти высшія силы и высшіе порядки есть, существуютъ для насъ несомнѣнно, и должны они проявляться въ мірѣ. И это ихъ проявленіе и дѣйствіе побѣждаетъ силу и дѣйствіе извѣстныхъ намъ низшихъ силъ и законовъ природы такъ же естественно и необходимо, какъ малѣйшій птенчикъ въ вышинѣ легкимъ взмахомъ своихъ крыльевъ побѣждаетъ всеобщій и неустраимый законъ тяготѣнія и мертвой инерціи.

— Была пора, когда существовала земная природа, съ ея силами и законами, но не было въ ней организмовъ, съ законами и порядками жизни ихъ; это признаютъ обѣ Божіи книги—и наука, и Библия: вызваны были къ жизни организмы,—открылись новыя сферы и нормы существованія. Была пора, когда жизнь на землѣ цвѣла, но не было на землѣ личности разумной и сознательной: и опять—и по наукѣ, и по Библии знаемъ мы, что во времени, какъ восполненіе земного міра, явился здѣсь человѣкъ, и вновь открылась иная и высшая сфера бытія реального. То, чѣмъ живетъ и что пріобрѣтаетъ человѣкъ земною своею мудростію, на языкѣ христіанскомъ, на

языкъ библіи, называется сферою душевною: но съ пришествіемъ со Христомъ на землю царства Божія открылась для человѣчества новая, высшая сфера—сфера бытія духовнаго. Въ этой сферѣ есть свои виды бытія, свои порядки и законы, свои силы и эти законы и силы, говорятъ намъ люди соотвѣтствующаго опыта, имѣютъ еще большую жизненность и реальность, еще большую достовѣрность. И есть для всѣхъ открытая дверь для входа въ этотъ горній міръ, такъ сказать, верхній этажъ бытія земнаго: дверь эта—вѣра Христова. Вѣра спасаетъ человѣка, одухотворяя человѣка и дѣлая его новою тварію—во Христѣ, вѣра является проводникомъ силы Божіей къ человѣку, вѣра, какъ мы уже говорили, и творитъ чудеса.

— Вотъ тотъ основной, принципиально-христіанскій взглядъ на чудо, на которомъ долженъ стоять и съ которымъ необходимо долженъ считаться—и тотъ, кто защищаетъ чудеса, какъ знаменія Божественнаго воздѣйствія на міръ, и тотъ, кто возстаетъ противъ нихъ. На почвѣ этого-то основного пониманія и объясненія библейскихъ чудесъ долженъ стоять въ своемъ преподаваніи, а особенно въ дополнительныхъ бесѣдахъ, и нашъ законоучитель.

Таковы тѣ главныя подробности и дополненія, которыя могутъ затруднять того законоучителя, который хочетъ дать серьезную и обстоятельную постановку преподаванію своего предмета. Конечно, въ начальной школѣ, на классныхъ урокахъ, можетъ быть, придется ему коснуться всѣхъ этихъ параллелизмовъ, возраженій и недоумѣній лишь отчасти, въ очень скромной степени и постановкѣ. Но важно то, чтобы самъ онъ былъ подготовленъ здѣсь, не растерялся бы и не запутался, если бы почему-либо пришлось повести рѣчь объ этомъ. И добросовѣстному, искренно желающему надѣлать своихъ дѣтей возможно большимъ количествомъ полезныхъ для нихъ, осмысливающихъ и правильно ставящихъ ихъ послѣдующую жизнь знаній, преподавателю слѣдуетъ стремиться къ тому, что эти, намѣченныя нами, основныя понятія о главныхъ событіяхъ Исторіи Священной, равно какъ и ученіе Спасителя, и для насъ переданное Его притчами, сообщались учащимся и въ такой скромной школѣ. Священная Исторія—это самая суть нашего христіанскаго курса Закона Божія: и нужно, чтобы использована, преподаана она была возможно серьезно и полно, и особенно въ тѣхъ ея сторонахъ, которыя такъ важны для нашей христіанской жизни.

Протоіерей *Н. Вознесенскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Одно изъ самыхъ вѣрныхъ и существенныхъ условій успѣшности пастырскаго служенія.

Сближеніе народа съ духовенствомъ является самымъ вѣрнымъ и существеннымъ условіемъ успѣшности пастырскаго служенія, такъ какъ только въ этомъ случаѣ пастырь можетъ знать религіозныя потребности своихъ пасомыхъ и, какъ должно, удовлетворять ихъ. А между тѣмъ это необходимое сближеніе пастыря съ своими пасомыми сравнительно рѣдко замѣчается въ наше время, и рѣже всего встрѣчается тамъ, гдѣ оно особенно можетъ быть полезно, разумѣю сельскіе приходы. Въ большинствѣ случаевъ сельскіе батюшки опасаются сближенія со своими прихожанами—крестьянами, чтобы чрезъ это сближеніе не уронить свой авторитетъ, а потому многіе изъ нихъ обычно соприкасаются съ прихожанами своими только по необходимости, какъ-то: при богослуженіи, при совершеніи требъ и молебствій. Понятно, что и прихожане сторонятся такихъ священниковъ и мало имъ вѣрятъ: охотнѣе прихожане послушаютъ разныхъ прѣвзжихъ, случайныхъ лицъ, чѣмъ своего пастыря; и это—неоспоримый фактъ. Этою разобщенностью пастыря отъ крестьянъ умѣло пользуются злонамѣренныя лица: и раскольническіе и сектантскіе учителя—самозванцы, и политическіе агитаторы, и разнаго рода авантюристы. Всѣ они, являясь въ села и деревни, успѣваютъ иногда въ широкихъ размѣрахъ эксплуатировать легко-вѣрный простой сѣрый народъ; прежде чѣмъ объ этомъ узнаетъ ближайшее гражданское начальство и приметъ свои мѣры къ пресѣченію зла этого. И всякій разъ, когда обнаруживаются подобныя явленія, невольно спрашиваешь: гдѣ же были въ то время пастыри и почему они не предостерегли своихъ овецъ отъ этихъ хищныхъ волковъ?! Почему они не выступили съ подходящимъ словомъ во время религіозной смуты, посягнутой самозванными учителями, и при политическихъ возмущеніяхъ? Или они, пастыри, сами опасаются за себя, чувствуя себя безцѣльными въ такой борьбѣ? Не угодилась-ли имъ паемнику, который отъ волка бѣжитъ и перадитъ объ овцахъ? Неужели прихожане такъ отдалились отъ своихъ пастырей, что не слушаютъ голоса послѣднихъ (пастырей) и не идутъ за ними? Всегда въ такихъ случаяхъ, когда видишь какую-либо смуту въ народѣ, невольно навѣваются въ душахъ пастырей грустныя думы. Но не такъ поступали знаменитые учителя церкви, съ которыхъ мы, какъ позднѣйшіе ея служители, должны брать для себя примѣръ для подражанія. Слова пастырей, популярныхъ въ народѣ за благочестіе и ревность служенія, всегда благотворно дѣйствовали на слушателей и нерѣдко усмиряли народныя страсти. Безъ сомнѣнія такое же вліяніе на народъ могутъ имѣть и современные пастыри, если они постараются встать ближе къ его насущнымъ потребностямъ.

Что-же требуется для этого весьма желательнаго и по настоящему военному времени даже необходимаго сближенія пастыря съ народомъ?

Многіе свѣтскіе писатели, а также нѣкоторые и духовные рекомендуютъ пастырямъ, ищущимъ сближенія съ народомъ, озаботиться введеніемъ въ приходахъ разныхъ культурныхъ начинаній, какъ то: чтеній, образцовыхъ пасѣкъ, рациональнаго веденія хозяйства и т. под.; но эти начинанія могутъ лишь отчасти содѣйствовать вышеуказанной цѣли, такъ какъ нашъ народъ русскій ищетъ въ пастырѣ прежде всего истиннаго служителя Христова, отъ котораго требуется особенная высота духа, чистота жизни и глубокое знаніе народныхъ нуждъ и потребностей. Не отрицая пользы культурныхъ начинаній, я долженъ сказать и то, что надлежащій пастырскій авторитетъ пріобрѣтается лишь тѣми средствами, которыя соотвѣтствуютъ сущности по преимуществу пастырскаго служенія; поэтому иной пастыръ плохой агрономъ или пчеловодъ, но опытный и популярный руководитель и врачъ совѣти пасомыхъ. Какъ ни малокультуренъ нашъ сѣрый простой народъ, однако онъ имѣетъ свои религіозныя убѣжденія и идеалы, съ коими и долженъ сообразоваться каждый сельскій пастыръ, если онъ желаетъ благотворно воздѣйствовать на него. Нашъ простой крестьянинъ, прежде всего, никогда не коснется въ фарисейскомъ превозношеніи своей праведности; напротивъ, онъ постоянно сознаетъ свою грѣховность, и ищетъ духовнаго утѣшенія именно въ церкви и у ея пастырей. Обратите вниманіе хотя-бы на наиболѣе почитаемые въ народѣ монастыри, въ коихъ находятся мощи св. угодниковъ Божіихъ или особенно чествуемые въ народѣ чудотворныя иконы: эти монастыри почти всегда переполнены богомольцами, часто пришедшими изъ дальнихъ краевъ нашей необъятной матушки Россіи. Спрашивается: для чего же собираются сюда эти тысячи и десятки тысячъ богомольцевъ? Для того, чтобы въ стѣнахъ св. обителей, хотя на короткое время, отрѣшиться отъ грѣховной мірской суеты, и получить духовное наслажденіе отъ благолѣпія монастырскихъ храмовъ и торжественности монастырскаго богослуженія, при чемъ нерѣдко богомольцы идутъ за нѣсколько сотъ верстъ къ монастырскому старцу—схимнику принять отъ послѣдняго совѣты и наставленія, уврачевать язвы немощной совѣсти, страдающей отъ искушеній или содѣянныхъ преступленій. Затѣмъ, обратите вниманіе и на то, какою пицею преимущественно удовлетворяется любознательность поселанина?—Религіозно-правственными книгами, въ коихъ рассказывается о жизни и подвигахъ святыхъ, или духовными стихами, которые уже цѣлыя столѣтія расиѣваются слѣзницами и разными калѣвками—нищими, въ родѣ, напримѣръ, стиха объ Алексіѣ, Божіемъ чловѣкѣ, ради царства небеснаго отказавшемся отъ всѣхъ мірскихъ благъ. Все это говоритъ о томъ, что въ лучшей части народа, не омертвѣвшей въ раскольническомъ обрядовѣрїи и не соблазненной сектантскимъ миражемъ святости, религіозный идеалъ имѣетъ возвышенный, даже аскетическій характеръ, и стремленіе къ нему выражается въ отреченіи отъ міра и принятїи на себя того или другого подвига, по примѣру святыхъ и

иноковъ. Въ всякаго сомнѣнія, что Некрасовскіе Власы, раздавшіе все свое имѣніе и обрекли се на подвижничество, никогда не переведутся на Руси, такъ какъ такой рѣзкій поворотъ отъ міра къ подвигу совершенно въ характеръ русскаго человѣка. И все такіе подвижники пользуются глубокимъ уваженіемъ въ народѣ, который видитъ въ нихъ олицетвореніе идеала своего, и преклоняется предъ святостью ихъ жизни. А потому пастырь для народа есть представитель самого святаго служенія на землѣ; въ немъ народъ желаетъ видѣть лицо, возвышающееся надъ обычными человѣческими слабостями и недостатками. Нангь народъ не любитъ пастырей корыстолюбивыхъ, преслѣдующихъ въ своей дѣятельности преимущественно матеріальныя цѣли, гордыхъ и заносчивыхъ, смотрящихъ свысока на народъ, напротивъ, всегда хвалитъ пастырей искреннихъ и задушевныхъ, «простыхъ», — которымъ охотно и раскрываетъ свою душу, и съ которыми онъ всегда готовъ побесѣдовать по тому или другому поводу. Только къ этимъ простымъ пастырямъ народъ пойдетъ за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, какъ религіозныхъ, такъ и обыденныхъ—житейскихъ; при этомъ нужно такимъ пастырямъ опасаться, чтобы простота ихъ не переходила въ угодливость народнымъ недостаткамъ.

Нашъ народъ обращаетъ, далѣе, вниманіе на служеніе пастыря и на его отношеніе къ приходскому храму, дорого цѣнитъ истовое богослуженіе и благочиніе, и нерѣдко выражаетъ желаніе видѣть и въ своемъ сельскомъ храмѣ хотя нѣкоторое подобіе монастырскаго благолѣпія, вотъ чѣмъ и объясняется его усердіе и жертва на свой родной храмъ, благословеніе котораго сопровождаетъ его отъ колыбели и до могилы. Часто бываетъ такъ, что прихожане, совсѣмъ оставившіе деревню и постоянно проживающіе на заработкахъ въ дальнихъ уголкахъ Россіи, всетаки вспоминаютъ о своемъ родномъ храмѣ—и присылаютъ въ него какое-либо цѣнное пожертвованіе. Пастырь приходскій дорожитъ такою привязанностію крестьянъ къ своей церкви и не порываетъ духовнаго общенія съ ними, хотя бы письменно. Отъ пастыря также зависитъ и благочиніе при богослуженіи. Совершая самъ богослуженіе истово и неспѣшно, того же долженъ требовать и отъ низшихъ членовъ клира; особенно же важно при богослуженіи то, чтобы пастырь всегда служилъ съ искреннимъ чувствомъ и воодушевленіемъ, дѣйствительно отложивъ на это время «всякое житейское попеченіе». Тогда каждое слово пастыря живо подѣйствуетъ на молящихся и объединитъ ихъ съ пастыремъ въ одномъ горячемъ молитвенномъ порывѣ. Точно также пастырь долженъ относиться и къ частному богослуженію, совершаемому по одиночкѣ прихожанамъ, отнюдь не дѣлая различія между богатыми и бѣдными прихожанами во время хожденія съ св. водой или св. иконой, помня то, что въ Церкви Христовой нѣтъ различія между людьми по ихъ состоянію или положенію въ обществѣ.

Съ богослуженіемъ обычно соединяется и проповѣдь. Сельскій пастырь и здѣсь долженъ имѣть въ виду прежде всего нравственное

состояніе своихъ слушателей, ихъ развитіе, ихъ нужды и интересы. Нельзя забывать того, что нашъ народъ, по преимуществу, простой — младенецъ по вѣрѣ и умственному развитію, а потому пастырь въ своихъ поученіяхъ долженъ умѣло излагать христіанское ученіе самымъ простымъ и удобо-понятнымъ для народа языкомъ. Исходнымъ пунктомъ поученій могутъ служить и хорошія и дурныя стороны крестьянской жизни. Пастырь проповѣдникъ долженъ проникнуться тѣмъ жизненнымъ настроеніемъ, которое владѣетъ нашимъ крестьянствомъ, мысленно съ нимъ отождествиться, и потомъ уже чрезъ слово Божіе, чрезъ священную и церковную исторію, поднимать это настроеніе до того, которое требуется отъ христіанина. Такимъ поученіемъ заинтересуется каждый крестьянинъ и внимательно выслушаетъ его, особенно, если проповѣдникъ говоритъ живымъ и понятнымъ языкомъ. Но всего ближе привязывается народъ къ тому пастырю, который обладаетъ даромъ врачевать немощную совѣсть и во время исповѣди и въ частной бесѣдѣ. Наставленія и совѣты этого пастыря иногда измѣняютъ все настроеніе человѣка, его утѣшенія умиротворяютъ самое безнадежное горе, и всѣ входящіе къ нему уходятъ съ облегченнымъ сердцемъ. Этотъ даръ не дается пастырямъ туне: для полученія его онъ долженъ постоянно возгрѣвать въ себѣ ту сострадательную любовь къ ближнимъ, которая одна только можетъ сообщить пастырскому служенію желательную жизненность. По природѣ мало бываетъ людей любвеобильныхъ и открытыхъ, поэтому обычнымъ смертнымъ должно много работать надъ собой для развитія этихъ качествъ; нужно прежде всего воспитать въ себѣ убѣжденіе въ необходимости и возможности этого дара. Первые шаги такой работы надъ собою могутъ заключаться хотя-бы въ томъ, чтобы пользоваться подходящими случаями жизни, когда, напримѣръ, ближніе сами напрашиваются въ тяжелыя минуты на наше участіе, особенно въ переживаемое нами всѣми трудное время міровой войны; затѣмъ постепенно не трудно будетъ расширить кругъ дѣлъ любви. Совершенствованіе въ подобномъ направленіи вскорѣ пойдетъ дальше и дальше, потому что душа человѣка, вкусившая сладость безконечной любви, уже сама будетъ искать случаевъ ея приложенія. Такимъ образомъ каждому пастырю доступно раскрыть въ себѣ способность открыто и искренно входить въ общеніе съ ближними, и чрезъ то угадывать ихъ настроеніе и давать отвѣты на ихъ душевные запросы.

Такимъ образомъ, для сближенія пастыря съ своими пасомыми нужно не пониженіе пастырскаго настроенія и авторитета, а только соотвѣтствіе ихъ религіознымъ и жизненнымъ потребностямъ крестьянства. Хотя тѣсное общеніе пастыря съ крестьянами (я разумѣю сельскаго пастыря) не обогатитъ его какими либо научными и теоретическими свѣдѣніями, но за то оно дастъ ему болѣе важное знаніе — знаніе души человѣческой во всѣхъ ея проявленіяхъ, при каковомъ знаніи только и можетъ быть плодотворно пастырское служеніе. (Т. Е. В.)

Свящ. В. Б.

Извѣстія и замѣтки.

Доля Италіи.

Черезъ триста дней послѣ того, какъ австрійскія пушки дали первые выстрѣлы по Бѣлграду, Италія объявила войну Австро-Венгріи. Этотъ долгій срокъ понадобился не только для реорганизациі итальянской арміи въ соотвѣтствіи съ современными требованіями, но и для надлежащей подготовки итальянскаго общественнаго мнѣнія. Правда, массы итальянскаго народа давно горѣли инстинктивной ненавистью къ грубымъ и чванливымъ «тедескамъ» (такъ называютъ въ Италіи нѣмцевъ), а двуединая монархія представлялась наследственнымъ врагомъ итальянской націи. Тѣмъ не менѣе, 33 года пребыванія въ лоноѣ тройственнаго союза сдѣлали свое дѣло. Значительная часть итальянской интеллигенціи уже свыклась съ этой противоестественной комбинаціей, а профессиональные политики, не исключая даже и такихъ дальновидныхъ людей, какъ Джіолитти, поднали подъ обаяніе германской мощи. Притомъ нѣмецкая дипломатія не брезгала никакими средствами для закрѣпленія симпатій къ Германіи, вплоть до захвата въ свои руки многихъ органовъ итальянской печати и широкаго подкупа вліятельныхъ лицъ. Наконецъ, и вліяніе германскаго капитала, наложившаго свою хищную печать на многія отрасли итальянской экономической жизни, сильно давало себя чувствовать. Лучшимъ людямъ Италіи, съ д' Анжунціо, Гарибальди и Колойяни во главѣ, пришлось затратить громадныя усилія, чтобы одолѣть многоглавую тевтонскую гидру и сплотить воедино итальянскую націю для отпора врагамъ человѣчества. Австро-германскіе варвары угрожали не настоящему, а будущему Италіи. Нужно было убѣдить всѣхъ итальянцевъ въ томъ, что эта угроза отнюдь не пустой звукъ, и что побѣда кроваваго кайзера сулитъ Италіи политическую смерть. Надо отдать полную справедливость королю Виктору-Эммануилу, который со свойственной ему чуткостью уловилъ подлинное біеніе народнаго сердца и противопоставилъ свое королевское veto интригамъ германскихъ ставленниковъ.

Нѣмцы, конечно, обвиняютъ Италію въ коварствѣ и предательствѣ. Однако это обвиненіе итальянцы могутъ съ полнымъ правомъ возвратитъ тѣмъ, кто такъ легкомысленно и преступно зажегъ пламя ужасной войны. Еще въ 1913 году римскій кабинетъ увѣдомилъ двуединое правительство, что нападеніе на Сербію признается имъ нарушающимъ союзный договоръ и несомѣстимымъ съ интересами Италіи. Такимъ образомъ, когда графъ Берхтольдъ, украдкой отъ союзнаго римскаго правительства, предъявлялъ ультиматумъ Сербіи, вѣнскій кабинетъ отлично зналъ взгляды Италіи. Если итальянское правительство не отвѣтило на этотъ шагъ немедленнымъ разрывомъ съ Австріей, то отъ такого промедленія существо дѣла не мѣняется. Австро-Венгрія первая нарушила договоръ тройственнаго союза и тѣмъ возвратила Италіи свободу дѣйствій для

защиты ея интересовъ. Это уже право Италіи—опредѣлить, когда настанетъ часъ принять тѣ или другія мѣры, съ цѣлью огражденія ея національнаго достоинства и безопасности. Отвѣтная нота барона Буріана, настаивающаго на желаніи сохранить союзъ съ Италіей, отъ котораго та отказалась, производитъ жалкое впечатлѣніе полной растерянности. Когда германское правительство осмѣлилось предъявить Россіи ультиматумъ, г. Сазоновъ не сталъ напоминать графу Пурталесу о потсдамскомъ договорѣ, по которому Германія обязалась ни въ какомъ случаѣ не принимать участія въ комбинаціяхъ враждебныхъ Россіи.

Четвертая австро-итальянская война со времени памятнаго 1848 года, положившаго начало пробужденію итальянскаго народа, должна явиться и послѣдней и безповоротно разрѣшить вопросъ о политическомъ объединеніи итальянской націи. Дальнѣйшее существованіе Австро-Венгрии рядомъ съ Италіей сдѣлалось невозможнымъ, и теперь мечъ долженъ разрубить роковой узелъ тевтонскаго насилія, завязавшіяся пять вѣковъ назадъ, когда стало меркнуть бывшее могущество гордой Венеціанской республики. Или Австрія, или Италія,—такова дилемма, поставленная на очередь дня исторіей и во многомъ напоминающая другую, столь же грозную дилемму: «или Россія, или Пруссія». Какъ ближайшая сосѣдка Габсбургской монархіи, Россія болѣе всѣхъ остальныхъ союзныхъ государствъ заинтересована въ скорой и полной побѣдѣ Италіи. Но всѣ семь союзныхъ державъ съ одинаково восторженной радостью привѣтствуютъ присоединеніе къ ихъ дружной семьѣ восьмого союзника. Святое дѣло освобожденія міра отъ гнуснаго тевтонскаго насилія и водворенія вѣчнаго царства свободы и любви теперь пойдетъ болѣе быстрыми шагами. И никакіе удушающіе газы и взрывы подлой тевтонской ярости не задержатъ побѣднаго шествія благородныхъ рыцарей духа, искупающихъ своими жизнями будущее счастье умиротвореннаго человѣчества. Италія пришла послѣдней на великій подвигъ обновленія международныхъ отношеній. Но доля сыновъ гордаго Рима будетъ не послѣдней. Преклонимся же передъ великодушной рѣшимостью нашихъ итальянскихъ братьевъ возстать противъ мрачныхъ князейъ тьмы. Слава Италіи!

„Р. С.“

Замученный германцами казачій развѣздъ.

— Небольшой казачій развѣздъ—разсказываетъ раненый герой-офицеръ въ „П. Л.“—былъ посланъ на развѣдку. Не помню, сколько человекъ было въ развѣздѣ—кажется, восемнадцать при одномъ офицерѣ. Развѣдка предстояла серьезная, такъ какъ нужно было пробраться въ непріятельское расположеніе и выяснитъ составъ находившихся тамъ войскъ. А нашихъ солдатъ хоть хлѣбомъ не корми, только дай какое-нибудь опасное порученіе, въ которомъ могла бы разойтись отчаянная

удаль и природная смѣтка. Казаки обрадовались развѣдкѣ и, вскочивъ на коней, скоро скрылись изъ виду. Прошелъ день, два, три—наши развѣдчики не возвращались. Мы успѣли уже „панцунать“ артиллеріей германскихъ солдатъ, получивъ донесеніе отъ военныхъ летчиковъ, и готовились къ внезапной атакѣ на неприятельскіе окопы. Развѣздъ же какъ въ воду канулъ. Такъ о немъ и забыли. Какъ-то ночью намъ скомандовали „въ атаку“. Соблюдая полную тишину, мы ползкомъ добрались до нѣмецкихъ траншей и съ криками „ура“ стали рубить проволочныя загражденія. Пока нѣмцы очухались и схватились за пулеметы—было уже поздно. Наши солдаты одолѣли колючую проволоку и, ворвавшись въ окопы, принялись наводить тамъ „порядокъ“. Врагъ защищался отчаянно, но что можетъ подѣлать нѣмецъ противъ русскаго штыка. Еще нѣсколько ударовъ—и окопы стали нашими. Кругомъ валялись германскіе трупы, а оставшіеся въ живыхъ бѣжали.

Съ утра началось нѣмецкое отступленіе. Днемъ я былъ посланъ командиромъ въ развѣдку и вмѣстѣ съ развѣздомъ скоро очутился на дорогѣ, по которой отступили германцы. Выѣхавъ на опушку лѣса, я съ солдатами наткнулся на ужасную картину. Кругомъ опушки къ деревьямъ внизъ головой были привязаны трупы нашихъ пропавшихъ развѣдчиковъ. Лица ихъ были искажены страданіями, а на тѣлѣ кое у кого видѣлись слѣды плетей. Тайна исчезновенія казачьяго развѣзда была открыта. Многіе изъ моихъ солдатъ не могли удержаться отъ слезъ, глядя на своихъ замученныхъ братьевъ, сдѣлавшихся жертвами тевтонской „культуры“ и поклялись отомстить палачамъ германцамъ. И отомстили. Къ вечеру того же дня мы забрались черезчуръ далеко и налетѣли на большой кавалерійскій отрядъ противника. Силы были слишкомъ неравны, но сдержать моихъ солдатъ не было никакой возможности. Бой завязался, и нѣмцы полегли. Уйти ни кому не дали и захватили только одного плѣннаго, который намъ разсказалъ душу леденяція подробности смерти казаковъ. Ихъ долго истязали и живыми повѣсили внизъ головами и продолжали тѣшиться, пока глаза мучениковъ не подернулись палетомъ смерти. Слѣдуетъ отмѣтить, что роли палачей исполнялись исключительно офицерами.

ВОЗЗВАНІЕ

„ОБЩЕСТВА 1914 ГОДА“

(борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ).

Петроградъ. Николаевская, 26. Тел. 273—61.

Насталъ часъ всѣмъ твердо встать на защиту родины!
Великой Русской Державѣ угрожаетъ опасность не только отъ разбойнаго нападенія Германіи, но и отъ тѣхъ нѣмцевъ,

которые, благодаря оказанному имъ у насъ довѣрію и гостепріимству, тепло и сытно устроились, часто оставаясь врагами Россіи. Они пріобрѣтали почетъ, заняли важныя должности, вліяютъ на наши государственныя дѣла, но лишь для того, чтобы всѣмъ этимъ пользоваться въ интересахъ Германіи, ослабить Русь и сдѣлать изъ нея германскую колонію.

Кому не судилъ Богъ быть въ рядахъ нашей доблестной арміи, тотъ долженъ защищать родину внутри страны. Какой бы работой вы ни занимались, идите къ намъ и боритесь вмѣстѣ съ нами, сила нѣмцевъ въ ихъ сплоченности. Объединимся и мы, чтобы сломить эту силу!

Уставъ Общества утвержденъ Правительствомъ 5 декабря 1914 года. Общество имѣетъ своею цѣлью содѣйствіе самостоятельному развитію производительныхъ и творческихъ силъ Россіи, ея познанію и просвѣщенію и освобожденію русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли отъ нѣмецкаго засилья (§ 1). Членами Общества могутъ быть всѣ правоспособные совершеннолѣтніе обоюго пола русскіе подданные безъ различія состоянія, имѣющіе по дѣйствующимъ узаконеніямъ право вступать въ Общества и Союзы, за исключеніемъ лицъ нѣмецкаго происхожденія не православнаго вѣроисповѣданія (§ 6). Дѣйствительными членами состоятъ лица, принятыя въ качествѣ таковыхъ въ составъ Общества Совѣтомъ и уплачивающія ежегодно свой членскій взносъ въ размѣрѣ не менѣе *одной* рубля (§ 11). Хотя главное управленіе дѣлами Общества сосредоточено въ Петроградѣ, но по мѣрѣ развитія дѣятельности Общества Совѣтъ имѣетъ право и въ другихъ городахъ открывать мѣстные отдѣлы Общества (§ 14), о каковомъ желаніи иногородніе члены должны заявить въ Правленіе Общества.

Заполните помѣщенный ниже бланкъ, отрѣжьте его и пошлите по адресу: Петроградъ, Николаевская 26, въ „Общество 1914 г.“.

ВЪ СОВѢТЪ „ОБЩЕСТВА 1914 ГОДА“.

Прошу Совѣтъ принять меня въ число членовъ „Общества 1914 года“ съ ежегоднымъ взносомъ въ размѣрѣ..... руб.

Фамилія.....	Званіе или профессія.....
Имя.....	Національность и вѣроисповѣданіе.....
Отчество.....	Адресъ.....

1915 г.

Подпись

Бібліографія.

Краткій курсъ церковнаго права православной Церкви.

Составилъ профессоръ Казанской духовной Академіи и университета

И. С. Бердниковъ. Изд. 2-ое.

Казань 1913 года.

Проф. И. С. Бердниковъ въ области науки церковнаго права уже давно считается установившеюся очень серьезной величиной. Его обширная эрудиція и трудолюбивость снискали ему уваженіе среди многихъ, интересующихся вопросами науки церковнаго права. Выходъ въ свѣтъ каждаго его произведенія давалъ много новаго матеріала и авторитетное рѣшеніе какого нибудь вопроса.

Желаніе подѣлиться своими свѣдѣніями съ возможно большимъ количествомъ интересующихся и побудило почтеннаго профессора выпустить въ свѣтъ свой курсъ церковнаго права въ 2-хъ вып. Успѣхъ книги побудилъ автора переиздать его, исправивши и дополнивши въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Разсматриваемая книга представляетъ собою продолженіе труда почтеннаго правовѣда, вышедшаго (труда) въ свѣтъ въ 1903 году въ Казани же и носящаго тождественное заглавіе. (Въ этомъ сочиненіи трактуется въ историческомъ освѣщеніи объ источникахъ церковнаго права и собраніяхъ церковныхъ правилъ).

Покончивши съ общими вопросами, авторъ во второмъ (разсматриваемомъ) выпускѣ своей работы рѣшаетъ намѣченные вопросы. Всю систему церковнаго права почтенный профессоръ дѣлитъ на 4 части, или отдѣла. Расположены они въ такомъ порядкѣ: I, устройство Церкви, II, о полномочіяхъ церковной власти, III, церковно-имущественное право, IV, отношеніе между Церковью и государствомъ. Каждый изъ отдѣловъ имѣетъ еще и свои собственныя подраздѣленія, отмѣчаемыя періодами или главами. Такъ, I отдѣлъ имѣетъ двѣ главы. Въ первой указывается составъ церковнаго общества (клиръ, монашествующіе и міряне), права и обязанности мірянъ, качества и правила поведенія клириковъ. Въ главѣ о правительственной организаціи Церкви сначала говорится объ управленіи въ древней вселенской церкви (епископія, приходъ, митрополія и патріархатъ), а потомъ объ управленіи въ русской Церкви и, наконецъ, о взаимныхъ отношеніяхъ

помѣстныхъ автокефальныхъ церквей. Тутъ же даются свѣдѣнія и объ особенностяхъ религіозно-общественной жизни инославныхъ христіанъ по законамъ Россійской имперіи.—Отдѣлъ „о полномочіяхъ церковной власти“ распадается на 3 части или главы. Въ первой идетъ рѣчь о полномочіи учительства церковнаго. Сюда входятъ свѣдѣнія о школахъ, бібліотекахъ, различныхъ обществахъ и миссіи. Вторая глава знакомитъ читателя съ общими нормами отправления богослуженія, какъ общаго, такъ и частнаго. Особенно подробно тутъ изложено въ вопросѣ о таинствѣ брака. Третья глава предметомъ своимъ имѣетъ церковный судъ. Тутъ прежде всего сообщаются свѣдѣнія о церковномъ судѣ въ древней Церкви, а послѣ въ Церкви русской.

Въ отдѣлѣ о церковно-имущественномъ правѣ сначала сообщается объ имущественныхъ средствахъ (способахъ пріобрѣтенія и доходныхъ статьяхъ) церковныхъ учрежденій, а послѣ—о средствахъ содержанія духовенства, начиная съ древней Церкви и кончая настоящимъ временемъ.

Послѣдній, самый обширный отдѣлъ, состоящій изъ трехъ главъ, трактуетъ объ отношеніи между Церковію и государствомъ. Порядокъ изложенія мыслей автора слѣдующій. Онъ раньше другихъ касается римско-византійской имперіи, затѣмъ западно европейскихъ державъ, и въ концѣ уже—нашего отечества. Тутъ, кромѣ свѣдѣній объ общемъ положеніи Церкви, можно найти указанія о положеніи духовенства, какъ сословія, раскольниковъ и сектантовъ, а также дѣль по религіознымъ преступленіямъ.

Начиная съ 1196 стр. идетъ рѣчь объ управленіи христіанъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, а съ 1279 стр. излагается взглядъ автора на дѣйствующія нормы о вѣротерпимости.

Уже изъ этого, самаго краткаго, перечисленія предметовъ содержанія книги видно, что она можетъ быть очень хорошимъ пособіемъ и руководствомъ при рѣшеніи вопросовъ правоваго характера. Особое достоинство ея заключается въ томъ, что она обыкновенно даетъ рѣшеніе вопроса въ историческомъ освѣщеніи. Отъ этого получается полная картина конструирования даннаго положенія, и дѣлаются ясными темныя или неудовлетворительныя стороны его. Большую услугу книга можетъ оказать и тому, кто пожелалъ бы расширить свои свѣдѣнія по церковному праву. Съ вѣшной стороны книга издана довольно хорошо. Жаль только, что она слишкомъ громоздка. Если

бы издать книгу въ двухъ выпускахъ, ею можно было бы легче и удобнѣе пользоваться. Затрудненіе можетъ представить большая цѣна сочиненія (5) рублей, но наличие 1441 страницы текста дѣлаетъ эту цѣну совсѣмъ не высокой.

А. Д.

Редакторъ, Преподаватель Духовной Семинаріи В. Телятьевъ.

Печатать разрѣш. Цензоръ, Ректоръ Благовѣщенской Духовной Семинаріи
Протоіерей Александръ Миролюбовъ.

Электро-типографія Войскового Правленія Амурскаго казачьяго войска,
въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Къ предстоящему 900-лѣтію со дня кончины св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра, Петроградскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ переиздано сочиненіе извѣстнаго русскаго историка И. И. Малышевскаго: «Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра». Цѣна 15 коп.

Сочиненіе написано общедоступнымъ языкомъ, въ прежнихъ изданіяхъ удостоилось весьма лестныхъ отзывовъ и одобрено для распространенія въ церквахъ, школахъ и бібліотекахъ.

Складъ изданія: Петроградъ, Звенигородская, 24. Для духовенства и учащихся дѣлается скидка въ 30%. При выпискѣ на сумму не менѣе 3 руб. Общество принимаетъ пересылку на свой счетъ.

КНИГИ ВЪ РАЗСРОЧКУ.

Война и Миръ. Графа Л. Н. Толстого. 2 т.
2 р. Анна Каренина. Его-же. 2 т. 2 руб.
Н. В. Гоголь. Полное собраніе 2 т. 4 р.
И. С. Аксаковъ. Полное собраніе 2 руб.
Н. Г. Помяловскій. Полное собраніе 1 р.
50 к. А. С. Пушкинъ. Полное собраніе
2 т. 2 р. М. Ю. Лермонтовъ. Полное соб-
раніе 2 р. В. А. Жуковскій. Полное соб-
раніе 2 р. И. А. Крыловъ. Басни 75 коп.
А. В. Кольцовъ. Стихотворенія 50 к.
П. С. Никитинъ. 1 руб. 25 коп.

Цѣна за все 20 руб.; пересылка за счетъ покупателя.

Въ задатокъ 5 руб. Ежемѣсячно по 3 руб.

Заказы и переводы адресовать въ Петроградъ.

4-я Рождественская № 4, *М. П. Зайкину.*